

**ПОНЯТИЙНОЕ ПОЛЕ ВНУТРЕННЕЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ЯЗЫКА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
Г.П. МЕЛЬНИКОВА**

О.И. Валентинова, М.А. Рыбаков

Ключевые слова: детерминанта, лингвистическая типология, общее языкознание, система.

Keywords: determinant, linguistic typology, general linguistics, system.

Идея всеобщей связанности элементов и свойств языка – центральная идея системной лингвистики (научного направления, разработанного Г.П. Мельниковым на основе синтеза общей теории систем и фундаментальных идей выдающихся языковедов В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни) – как и вообще любой саморегулируемой адаптивной системы: биологического организма (человека, животного...), индивидуального сознания, общества, природы, в каждой ее точке – требовала разработки такой системы понятий, которая удовлетворит поиску ответа на вопросы «почему?» и «зачем?» на всех уровнях системы языка.

Связанность понятий системной лингвистики отражает причинную системность языка, являясь ее производной. Исчерпывающая причинность как основной внутренний принцип порождения системы понятий в концепции Г.П. Мельникова определяет способность любого понятия при раскрытии его содержания возбуждать в объяснении цепную реакцию, продолжающуюся до тех пор, пока не будет актуализирована вся система понятий и круг не замкнется.

Нацеленная на вскрытие всеобщей причинности в языке, системная лингвистика нуждалась не в перечне, а именно в системе понятий. Поэтому Г.П. Мельников не приспособливается к «чужим» терминам и не адаптирует «чужие» термины, а создает «герметичную», по точному выражению С.Ю. Преображенского [Преображенский, 2016, с. 309], систему понятий, необходимую для исчерпывающего понимания взаимосвязанности в языке.

Разработанные Г.П. Мельниковым понятия категориально не имеют функциональных синонимов. Их содержание и на сегодняшний день лежит вне компетенции существующих профессиональных (понятийных) словарей и не входит в апперцептивный фон лингвиста, предметно не знакомого с научным наследием Г.П. Мельникова. Но и в

трудах основателя современной системной лингвистики эти понятия не даны в законченной формулировке. Такой сверхсложный объект исследования, как непрекращающаяся перенастройка языковой системы как целостности, требует непрерываемого развития мысли. Поступательно углубляющееся понимание делает естественным непрерываемое обогащение понятия. Поэтому только возобновление всего корпуса тестов, написанных Г.П. Мельниковым, в том числе и не опубликованных конспектов лекций, которое и было предпринято авторами этой работы, позволит составить относительно целостное представление о развивающемся понятии.

Раскрытие содержания ядерного понятия системной лингвистики – детерминанты дает возможность объективировать принцип порождения и, как следствие, принцип воспроизводства системы понятий в учении Г.П. Мельникова.

Детерминанта как универсальная характеристика любой саморегулируемой адаптивной системы

Детерминанта, как универсальная характеристика любой системы, не только системы языка, становится наиболее общим родовым понятием в иерархии детерминант. Причем детерминанта «системы вообще» трактуется одновременно и как характеристика системы – важнейшая синтетическая характеристика системы, позволяющая «цельносистемно», то есть «через иерархически главный единственный признак, содержащий в себе имплицитно иные признаки, существенные для разных ярусов и этапов развития, выразить природу рассматриваемой системы» [Мельников, 2003, с. 73], и как своеобразие условий, в которых складывается индивидуальность системы. Таким образом, прямым следствием детерминанты как своеобразных условий является детерминанта как специфическое существенное свойство системы [Мельников, 1978, с. 86].

Для различения детерминанты-причины (условий, в которых формируется индивидуальность системы) и детерминанты как следствия этой причины (появления специфического существенного свойства всей системы) Г.П. Мельников вводит определители: внешняя детерминанта и внутренняя детерминанта.

Уточнение содержания понятий внешней и внутренней детерминанты происходит через фиксацию значимого изменения, произошедшего в соотношении категорий диалектических триад: материи-формы-содержания и субстрата-структуры-субстанции.

Внутренняя детерминанта языка – это общая схема номинативного смысла типичного высказывания, творчески

формирующегося в сознании слушающего под воздействием команд о тактике догадки о замысле говорящего, представленных знаками речевого потока; в отношении к диахронии языка наиболее устойчивая черта грамматического строя языка [см. Мельников, 2000, с. 30]; а в отношении к синхронии – специфическая внутренняя форма языкового строя [см. Мельников, 2000, с. 45].

К этому понятию Г.П. Мельников возвращается неоднократно и поясняет его в контексте внутрисистемных отношений следующим образом: «приобретенное в результате становления языковой системы ее наиболее устойчивое свойство, которое проявляется на высшем ярусе и поддерживается своеобразием всех более глубоких ярусов» [Мельников, 2003, с. 91], «та абстракция, в которой содержится и из которой вытекает вся полнота конкретного» [Мельников, 2003, с. 359], а в контексте отношений с надсистемой как «следствие причины, которая может быть только за пределами системы, то есть следствие внешней детерминанты» [Мельников, 2003, с. 360].

Внутреннюю детерминанту можно сформулировать только тогда, когда в поле зрения исследователя, вынужденного, чтобы преодолеть очевидные внутренние противоречия в некоторых данных, выходить за границы исходной подсистемы, «втянется» вся система как целое [Мельников, 2003, с. 145-146].

Внутренняя детерминанта языка определенного типа обнаруживается как следствие его внешней детерминанты внутри следующей логической цепи:

типичная коммуникативная задача → типичная смысловая схема построения высказывания (внутренняя форма) → типичные синтаксические отношения → типичное морфологическое оформление.

Поэтому формулировка внутренней детерминанты системы – это концентрированная формулировка своеобразия его системной организации [Мельников, 2003, с. 146].

Исследование такой цепи неизбежно вовлекает все системные уровни языка – от высказывания до морфемы и даже фонемы, поскольку внешняя детерминанта выставляет требования не только к структуре, но и к субстанции языка.

Кроме того, анализ структуры языка в аспекте синхронии становится полным только при обращении к диахронии, поскольку синхрония постоянно стирает внутренние формы в языке и устанавливает прямую референцию к денотатам. Обращение к диахронии вовлекает в анализ методы, необходимые для изучения динамики языка, что позволяет вовлечь более широкий круг инструментов анализа, объяснить типичные для синхронных состояний

поверхностные расхождения форм и функций и тем самым завершить системное исследование и по этой оси.

Внутренняя детерминанта системы, как наиболее устойчивое свойство системы, задает основные разрешения и основные запрещения на способы реализации частных функций, то есть функций отдельных элементов и ярусов системы [Мельников, 2003, с. 359].

Внутренняя детерминанта языкового типа «наиболее полно характеризуется тем, что остается наиболее устойчивой чертой во внутренней форме сообщений на данном языке, то есть в смыслах высказываний, несмотря на практически безграничное их многообразие» [Мельников 2003, с. 105] и, являясь смыслом высказываний, «служит лишь намеком на этапы преобразования повода в сюжет» [Мельников, 2003, с. 104].

Таким образом, внутреннюю детерминанту следует понимать как «перечень предпочтений средств намека [к какому предпочтительному классу образов относится номинативный смысл, какими предпочтительными способами, содержательными и композиционными, «рисует» этот смысл с помощью высказывания, каковы отработанные приемы «привязки» «нарисованного» смысла высказывания к компонентам повода и сюжета], обеспечивающий наиболее эффективную коммуникацию при заданной внешней детерминанте языка» [Мельников, 2003, с. 106].

Внутренняя детерминанта языка как системы выводится на первом (индуктивном) этапе изучения языка с позиций детерминантного подхода.

Выведение внутренней детерминанты языка (внутренняя детерминанта языка именно выводится, а не обнаруживается) позволяет объяснить взаимообусловленность всех уровней языка: состава гласных и согласных, строения слога, морфемы и словоформы, средств синтаксической связи слов в предложении, особенностей внутренней формы языка [Мельников, 2003, с. 92] – и направление этой взаимообусловленности, то есть вектор причинно-следственных отношений в пределах языковой системы: между подсистемами разных уровней языка и внутри подсистем:

«...Из особенностей внутренней детерминанты вытекают своеобразие состава и семантики вещественных морфем, морфем трансноминативных (деривационных) и когноминативных (синтаксических), что позволяет определить и наиболее оптимальные, при известном составе значащих единиц языка и их синтаксических отношений, предпочтительные акустические и артикуляционные характеристики единиц речевого потока» [Мельников, 2003, с. 107]

Например, Г.П. Мельников установил, что агглютинативный строй языка стал ответом на запрос надсистемы, характерной для больших однородных коллективов кочевников-скотоводов, которые большую часть года разобщены, а в определенные периоды годового цикла почти все собираются вместе и интенсивно обмениваются социально значимой информацией. После длительного перерыва в общении говорить будут о хорошо известных всем лицам и предметах и основной вопрос, который будет волновать слушающих в сообщении говорящего: каковы сейчас свойства известного субъекта или объекта по сравнению с теми общеизвестными свойствами, которые у него были до перерыва в общении. Поэтому ракурс изображения (коммуникативный ракурс) в таком языке будет признаковый [Мельников, 2003, с. 121–122] (качественно-признаковый [Мельников, 2003, с. 349]).

Выведение внутренней детерминанты агглютинативных языков как принципа коллекционности и принципа экономии служебных средств позволяет обосновать вектор причинно-следственных связей в пределах языковой системы: между подсистемами разных уровней языка и внутри подсистем.

Сингармонизм стал рассматриваться как следствие (а значит, и средство) агглютинации, то есть как следствие такого способа соединения морфем в слово, при котором границы между морфемами не размываются. А состав и фонетико-фонематические свойства гласных стали рассматриваться как следствие и средство обеспечения сингармонической огласовки. Фонологические признаки гласных перестали быть перечислительными, а выстроились в иерархию. Различительные признаки гласных в агглютинативных языках (например, тюркских как классических агглютинативных) выполняют смысловозначительную функцию и словоразграничительную функцию.

Поскольку смысловозначительная функция – главная, то признаки, которые могут обеспечить наиболее существенное материально выраженное различие гласных, станут использоваться именно как смысловозначительные. Таким признаком в первую очередь станет подъем, потому что именно по оси подъема акустическое расстояние между гласными может быть достаточно большим, а значит, таким, чтобы они свободно различались со слуха.

Напротив, гласные, обеспечивающие сингармонические варианты одной – в смысловом отношении – морфемы, должны характеризоваться явно воспринимаемым со слуха общим акустическим признаком, а различаться признаком, гораздо менее

воспринимаемым материально. Таким признаком оказывается прежде всего признак ряда (а в тюркских языках еще и огубленность).

Сингармонизм, как средство подлаживания характеристик гласных аффиксальных морфем к гласной первого слога, корневой гласной, и признаки гласных, поддерживающие это свойство, потому и выступают средством разграничения слов в потоке речи, что слабо различаемый со слуха акустический признак выступает средством соединения морфем в одно слово.

Словоформы не выбираются из представленной в заранее сложившейся парадигме системы возможностей, как это происходит во флективных языках, а каждый раз – исходя из потребностей действительной ситуации общения – набираются из морфем, составляются. Чем больше очевидной по контексту вспомогательной информации, тем меньше потребность в служебных элементах. Агглютинация, как установил Г.П. Мельников, возникает там, где нет потребности передавать одну и ту же новость линейно по многозвенному каналу связи и где говорящий передает информацию одновременно всем заинтересованным либо каждому поочередно, а значит, ситуация общения достаточно очевидна для всех общающихся. В таком случае ряд служебных аффиксов опускается: узб. *Тошкентбарди* – ‘Ташкент отправился’ подразумевает ‘он отправился в Ташкент’ [Кононов, 1960].

В предельно очевидной ситуации общения каждый корень сможет выполнять функции самостоятельного слова.

Поскольку речевая цепь может состоять из одних корней, корни должны состоять из гласных и согласных, чтобы речь оставалась членораздельной. Кроме того, чтобы границы между морфемами хорошо улавливались со слуха, морфемы не начинаются с соединения согласных. Чтобы при хорошо известной ситуации можно было свободно извлечь «избыточный» аффикс, на стыках морфем не образуется фузия, а функция связывания морфем в целое слово закрепляется за гласными: связь данного аффикса с данным корнем выражается гармонией гласных, то есть уподоблением гласных аффиксов гласному корню – поскольку именно корень не меняется, а меняется только аффиксы, присоединяемые к корню.

Чтобы изменить значение корня без служебных элементов, надо вводить другие лексемы, расширяя контекст. А отсутствие выражения отношений между словами в предложении с помощью морфем можно компенсировать жестким порядком слов.

Число реляционных связей минимально, и они выражаются постановкой атрибута, замещающего определительные, объектные и

обстоятельственные отношения, после определяемого слова: башк. *Олбистингехуннукелирчуве* – ‘он кнамная денная приходящая вещь’ (‘он к нам ежедневно приходит’) [Кононов 1960].

Сложноподчиненные предложения при таком способе выражения самых сложных отношений практически не нужны.

Так как новый образ отличается от предыдущего лишь дополнительными признаками, выраженными атрибутами, то предложение в языках такого типа реализует схему «он водитель он», когда сначала стоит тема, а следующая за ней рема состоит из повторенной темы и атрибутов к повторенной теме.

Внутренние детерминанты морфологических типов

Исследования Г.П. Мельникова объективировали свойственные четырем морфологическим типам языков четыре вида внутренних детерминант и, соответственно, четыре **внутренние формы языка** и четыре **коммуникативных ракурса**:

- обстановочная внутренняя детерминанта свойственна для инкорпорирующих языков,
- признаковая внутренняя детерминанта – для агглютинирующих языков,
- событийная внутренняя детерминанта – для флективных языков,
- окказиональная внутренняя детерминанта – для корнеизолирующих языков.

Внутренняя детерминанта агглютинативных (аффиксально-агглютинативных) **языков** – актуально необходимая служебная информация.

Поэтому, как показал Бодуэн де Куртенэ в «Подробной программе лекций в 1877–78 уч. году» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 103–106], создание агглютинативного слова (в сравнении с созданием флективного слова) требует меньшей формальной дифференциации грамматических разрядов словоформ, большей степени варьированности состава морфем в лексеме, большей значимости порядка следования слов в предложении, больших запретов на фузию при объединении морфем в словоформы [Мельников, 2003, с. 92].

Внутренняя детерминанта инкорпорирующих языков (установлена Г.П. Мельниковым) – тенденция обходиться минимумом (конкретных) морфем и строить высказывания преимущественно из морфем очень абстрактных, но с вещественным значением, используя эти морфемы для обозначения как актантов выражаемой ситуации, так и

отношений между актантами, отражая тем самым сеть отношений в ситуации.

Внутренняя детерминанта корнеизолирующих языков – тенденция выражать не только лексическую, но и грамматическую информацию с помощью морфем – носителей лексического значения [Мельников, 2003, с. 92].

Внутренняя детерминанта флективных языков в ее соотнесении с внутренней детерминантой агглютинативных языков – отмеченное В. фон Гумбольдтом использование заранее заготовленных словоформ, воссоздаваемых (а не создаваемых) в акте коммуникации. И.А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 103–106] вывел следствия из внутренней детерминанты флективных языков: возникновение тенденции к развитию **фузии** на стыке морфем и к четкой дифференциации **формально-грамматических разрядов слов**, поскольку эти разряды предназначены для использования в определенных позициях предложения. Так, например, глагол является типичным сказуемым, прилагательное типичным определением, существительное – подлежащим и дополнением, наречие – обстоятельством.

Таким образом, по отношению к языковой системе различаются внешняя и внутренняя детерминанты, а по отношению к динамике языка различаются исходная, текущая и предельные детерминанты. Соотнесение этих двух классификаций друг с другом позволяет увидеть общий план понятийного поля детерминанты.

Детерминанта	Внешняя	Внутренняя
<i>Исходная</i>	1) тип коллектива 2) тип осведомленности 3) тип характерных сюжетов	условие материя субстрат (общая исходная внутренняя форма семьи языков)
<i>Текущая</i>	причина форма структура	следствие содержание субстанция (близкие текущие внутренние формы языков)
<i>Предельная</i>	–	формальные типы структурной классификации языков

Табл. 1. Понятийное поле детерминанты языка

Основу системной типологии языков Г.П. Мельникова составляет детерминантное изучение языка (детерминантный подход в изучении языка).

Детерминантное изучение языка снимает противоречие между синхроническим и диахроническим подходами к исследованию языка, поскольку «позволяет вскрыть системную взаимообусловленность всех ярусов и компонентов языка в его синхронном состоянии через воссоздание картины динамики его адаптации» [Мельников, 2003, с. 358]. Детерминантный подход в изучении языка состоит из трех этапов.

Первый этап – индуктивный: предполагает анализ системы с целью выявления внутренней детерминанты языка;

Индуктивный этап исследования опирается на принятый И.А. Бодуэном де Куртенэ принцип функциональной значимости изучаемого явления. Принцип функциональной значимости изучаемого явления предполагает необходимость выявить: а) с какими объектами того же уровня он взаимодействует, б) элементом какой надсистемы является и, следовательно, в) какова его функция в надсистеме [Мельников, 2003, с. 358].

Второй этап – диалектической дедукции (детерминантного синтеза): предполагает детерминантный синтез системы и объяснение системной взаимообусловленности всех ее компонентов и ярусов в синхронии и диахронии, а также теоретическое выявление тех характеристик системы, которые не удалось выявить индуктивно, на первом этапе исследования;

После того как выявлена внутренняя детерминанта (ее выявление происходит на первом этапе детерминантного изучения языка), легко установить иерархию частных функций элементов и ярусов системы по их значимости для главной функции – функции языка как целостности.

Знание среды, в которой функционирует система, субстанциональных возможностей компонентов системы и основных законов адаптации системы к изменяющимся условиям позволяет воссоздать историю последовательных этапов формирования системы, которая наблюдается в данное время на данном синхроническом срезе. Знание истории последовательных этапов формирования системы дает понимание причинно-следственных связей и в эволюции системы, и в ее настоящем состоянии. Поэтому можно дедуктивно обнаружить те свойства системы, которые не удалось выявить на первом (индуктивном) этапе исследования [Мельников, 2003, с. 359].

Третий этап – «обоснование внутренней детерминанты внешней детерминантой, то есть своеобразием тех типичных условий функционирования языка, при которых наличие именно данного внутреннего детерминирующего свойства делает языковую систему совершенным орудием социальной коммуникации» [Мельников, 2003, с. 358].

Внутренняя детерминанта языкового типа «наиболее полно характеризуется тем, что остается наиболее устойчивой чертой во внутренней форме сообщений на данном языке, то есть в смыслах высказываний, несмотря на практически безграничное их многообразие» [Мельников, 2003, с. 105], и, являясь смыслом высказываний, «служит лишь намеком на этапы преобразования повода в сюжет» [Мельников, 2003, с. 104].

Таким образом, внутреннюю детерминанту следует понимать как «перечень предпочтений средств намека [к какому предпочтительному классу образов относится номинативный смысл, какими предпочтительными способами, содержательными и композиционными, «рисует»] этот смысл с помощью высказывания, каковы отработанные приемы «привязки» «нарисованного» смысла высказывания к компонентам повода и сюжета], обеспечивающий наиболее эффективную коммуникацию при заданной внешней детерминанте языка» [Мельников, 2003, с. 106].

Прогностические возможности детерминантного подхода в изучении языка открывают возможность рассчитать с определенной степенью вероятности дальнейшие изменения языковой системы, с опорой на понимание того, какие звенья системы уже достаточно сложились, а какие звенья системы не сформировались и могут привести к следующей цепи изменений.

Такое понимание дает знание:

- внутренней детерминанты языка, а значит, иерархии частных функций системы по отношению к главной функции,
- среды, в которой функционирует система,
- субстанциональных возможностей компонентов системы,
- основных законов адаптации системы к изменяющимся условиям [Мельников, 2003, с. 358].

При поступательном раскрытии содержания детерминанты становится понятным, что детерминанта в концепции Г.П. Мельникова – это система понятий, завершенная и

взаимосогласованная, которая имеет четкие контуры и принципы выделения, в отличие, скажем, от понятия «внутренней формы» у В. фон Гумбольдта или «символа» у А.Ф. Лосева, границы которых не всегда очевидны, а содержание уходит в бесконечную цепочку смыслов.

Одновременно нельзя не заметить, что понятие детерминанты объясняется через различные типы соотношений с иными понятиями системной лингвистики: «коммуникативного ракурса (ракурса изображения информации) языка», «внутренней формы языка», «внутренней формы сообщений», «структуры», «субстанции», «материала», «смысла высказывания», «номинативного смысла», «намёка», «повода», «сюжета», «связи сюжетов (линейной или сетевой)», «аспектов различий между поводом и сюжетом», «образов текущих», «образов индивидуальных, «образов родо-видовых (образов миропонимания)», «принципа функциональной значимости изучаемого явления (объекта)», – содержание которых далеко не самоочевидно и требует дальнейшего вхождения в замкнутую систему, пока система понятий не будет исчерпана полностью. Необходимо отметить, что сложность вхождения усугубляется тем обстоятельством, что многие понятия не имеют наименования, но имеют описание, и напротив: многие понятия, хотя и получили наименование, не были охарактеризованы Г.П. Мельниковым отдельно, а требуют выведения содержания («детерминанта исходная», «детерминанта текущая», «детерминанта предельная»). Кроме того, ложная очевидность значения некоторых слов мешает увидеть в них научное понятие, а отсутствие переадресации к той работе (часто малодоступной), в которой устанавливается содержание понятия, обесценивает научный потенциал термина, ошибочно принимаемого за общеизвестное слово. Например, понятие «адаптации» трактуется в системной лингвистике как «любое изменение свойств системы в направлении функциональности ее детерминанты, то есть увеличения способности системы своими старшими, наиболее устойчивыми поддерживаемыми свойствами содействовать поддержанию устойчивости определенных свойств надсистемы» [Мельников, 1980, с. 21]. Способность к адаптации в системной лингвистике понимается как ключевая особенность системных объектов – чем выше степень адаптивности, чем устойчивее детерминанта, тем выше степень системности объекта [Мельников, 1980, с. 22].

Процесс адаптации начинается с исходной внешней детерминанты, изменение которой задает потребность в адаптации языковой системы к новым условиям жизни языкового коллектива, и заканчивается предельной внутренней детерминантой, которая фиксирует результаты преобразования языковой структуры с учетом изменившихся функций и проявляется в морфологическом строе языка, детерминирующем способы номинативной организации высказываний для передачи информации в типичных коммуникативных ситуациях и возможности трансформации типовых (нейтральных, частотных) поверхностных структур в случае необходимости оформления и передачи коммуникативного содержания в нетипичных ситуациях.

Таким образом, содержание понятия «адаптации» подводит к содержанию понятий «исходной, текущей и предельной детерминанты». Теперь хорошо видно, что истолкование каждого понятия, введенного Г.П. Мельниковым, приведет к последовательному выстраиванию и актуализации всей системы понятий, пока причинно-следственный круг не замкнется.

Литература

- Бодуэн де Куртене И.А. Подробная программа лекций в 1877–78 уч. году // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. I.
- Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., Л., 1960.
- Мельников Г.П. Системный подход в лингвистике // Системные исследования. Ежегодник 1972. М., 1972.
- Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.
- Мельников Г.П. Конспект лекций по курсу «Введение в языкознание» (1979–1980). М., 1980.
- Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадияльной. М., 2000.
- Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М., 2003.
- Преображенский С.Ю. Системный анализ стиха // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М., 2016.
- Ухтомский А.А. Доминанта. М., Л., 1966.